

ИСКРЕННЕ ВАШ

ВЫШЕ!

Михаил МИШИН

УНИЖАТЬСЯ НАДО С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ

Третий постулат Мишина.

То есть мой. То есть мой в том же смысле, что и закон Ньютона. Который, конечно, тоже не его закон, а природы.

Мы с Исааком только формулируем.

Смысл формулы «у советских собственная гордость» в том как раз, что унижение должно быть горделивым, плавно переходящим в презрение к унижающим.

Долго спорят о сути грубого слова «совок». Кладу конец спору. «Совок» есть продукт жизнедеятельности верхов, унижающих низы, и низов, презирающих верхи. Для радикальных демократов упрощаю: союз плюющих сверху с плюющими наверх. Попутный эффект: всеобщая и полная заплеванность.

Совок — это не хорошо и не плохо. Это отдельно. Мы, совки, могучая общность, нормальная для тех, кто внутри, и дикобразная для окружающих. Отсюда эти муки отделений, разделений и независимостей. Как общий ненормальный дом разделить на суверенные психпалаты? По какому принципу ни дели, а главное нераздельно: тут совок и там совок. Неизбежны трудности на границах и привкус унижения.

— Имеете ли родственников за рубежом?

— Да, тетку в Одессе...

Унизительно не то, что не спросили: «Хотите ли разделиться?» — а в том, что спросили, получили вроде бы желаемый ответ: «Не хотим», потеряли руки и внезапно истолковали как именно выражение стремления разделиться.

Они говорят: «У нас всегда факты». У них всегда факты, а у нас — ощущения. И их факты постоянно врут. А наши ощущения — никогда.

А ощущение унижительное. Унижает не то, что держат за лопухов, а то, что правильно делают.

Что остается? Выше голову!

Они на нас сверху... Мы на них снизу... Чудный социальный контракт.

Этот рынок. Эти реформы. Эти правительства.

«Если у нас не получится — мы уйдем!»

Верх ответственности. Триумф благодетельства.

У них не получится — и они уйдут. Аплодисменты. Они уйдут, и это, ко-

нечно, главное. Останется мелочь, которую можно игнорировать. То есть, мы.

Тут у меня состоялась беседа с Кравчуком.

Да нет, конечно, не тот Кравчук, а мой друг Слава Кравчук, он зубной врач. В отличие от того Кравчука он умеет лечить зубы, и ему не нужен флот.

— Совсем уже озверели! — сказал я Кравчуку.

— Ну и что? — сказал мне Кравчук.

Действительно: ну и что?

Они — на нас... Мы — на них... Выше голову! Вон они машут нам серебряным крылом! Ну, крылья Родины. Билет в Америку — сто тыщ. Или сто миллионов, не помню. Это детали. Главное, рухнул этот, как его, железный занавес. Особенно если у кого валюта. А если нет, так надо туда съездить и привезти, и купить туда билет за валюту.

Имеющие валюту унижают безвалютных. Безвалютные презирают имеющих.

Новый наш злодей — Валюта Скуратов.

Вообще, конечно, сегодня — зрелища! Где обихаживают не цены, а именно желание исполнителей начхать на аудиторию. Ну, тоже можно понять: играть-то для своих — у которых нет билетов, чтоб выйти и не смотреть.

...Атас, мужики! Кризис в правительстве Москвы! Дикий кризис, мужики! Мэр прямо заявил, что катастрофа близка, и как честный человек он уже ушел в отставку, чтоб все ужаснулись, как близка катастрофа. Все кинулись ужасаться, но не успели, потому что мэр тут же из своей отставки пришел обратно, и в отставку уже ушел вице-мэр вместе со всем своим правительством, и мэр их всех поблагодарил за работу, и вице-мэр поблагодарил мэра за доверие, и мэр поблагодарил вице-мэра за сотрудничество, а также то правительство, которое с вице-мэром ушло в отставку, потому что не соответствовало, и сейчас же поручил вице-мэру прийти из отставки и сформировать новое правительство прямо на базе старого, чтобы оно уже соответствовало...

Шекспир.

А тут еще наш общий любимец поехал по регионам поглядеть, как оно вообще. И оказалось, ничего вообще, потому что он-то ожидал, что будет вообще, а оказалось, ничего. И, конечно, он просил его поддержать, и его

поддержали, и он сказал: спасибо за поддержку, и обещал, что всех тоже поддержит, и стал прямо там поддерживать, то есть, сказал, что у всех все будет очень отлично, главное, саботажников надо посадить, а офицеры молодцы и дать им всем земли и той проклятой валюты. В общем, очень обаятельно, но все-таки как-то он всех озадачил и огоршил, но тут сразу набежали его помощники и всех успокоили, и разъяснили, что его не так поняли, потому что он не то имел в виду, потому что его неправильно информировали помощники (там у него есть специальные помощники, чтоб неправильно информировать), но он тех помощников уже сам лично дезавуировал... как это... дезавуировал... короче, они у него уже сидят в полном... так что все очень отлично, и, в частности, эти, которые обиделись, так зря, потому что их должно быть не девяносто человек на кубометр, а девяносто процентов на градус широты, и тогда все решится ко всеобщему интересу, как мы есть демократическое, правовое и это, как оно...

Даже и весело!

Тут вот опять Кравчук... только не мой друг, а тот, который зубы лечить не умеет. Я, говорит, всех этих там, в погонах, я их видал как лунное затмение. Может, правда, наговаривают, ну, помощники разъясняют, у него тоже помощники.

А с другой стороны — он на них — сверху... У них есть выход: на него снизу — с прицельным презрением...

В общем, контракт работает. Смущает последнее время, правда, внешний фактор. Унижение от своих — свое же и презрение. Но когда оно откуда... Тут, конечно, еще как-то... Ну, возникает такое интересное чувство... Ну, при Тургеневе его якобы стыдом называли, а сейчас не знаю... Ну вот когда они сюда рубашечки шлут, или там тушеночку... И когда уже они понимают, что именно не слать мало надо, а самим лично везти, чтобы они, то есть мы, то есть совок у совка, значит, не слямзили...

Тут у некоторых слабых еще возникает что-то на лице типа покраснения... Потому что откуда унижение — понятно. А кого в ответ презирать?

Но вообще, конечно, сдвиги есть. Положительные тенденции. Вот, отдала час светлого времени народу. Видно, читали меня. Правда, когда день уже и без них удлиняется. Правда, путем тотального бардака на стальных дорогах... Но есть сдвиги, есть!

Ничего, что маленькие. У совка, как у исторической общности, впереди — вечность. Это у каждого персонального совочка — время. Ну что же, ребята. Времена, сказал поэт, не выбирают. В них живут и умирают.

Этой светлой формулой и предлагаю утешиться. И не опускать голову, а поднимать. Выше, ребята, выше!

В соответствии с первой строкой данного произведения.

64